

Заметки на полях концепции / Notes on the Margins of the Concept

В проекте, который при разработке назывался «Торговая ось Иркутска», а теперь именуется «Иркутские кварталы», мне кажется важным подчеркнуть несколько пунктов.

Первый. И рабочие, и новое название проекта подчеркивают, что преобразование городского пространства опирается на индивидуальность Иркутска, подхватывает логику развития города, в центре которого всегда был рынок, и дает импульс новому этапу, для которого история города – ресурс, а не музей и не тяжкое бремя. Район, который стал за последние четверть века монофункциональным, сосредоточив торговую функцию (всегда в центре Иркутска преобладавшую), развивался не просто стихийно, но агрессивно по отношению к наследию и к другим необходимым функциям городской среды. Это развитие можно уверенно назвать нецивилизованным; проект предлагает сохранить торговую функцию как основную, но задать ее проявлениям критерии и формы, достойные современного города. В то же время торговая функция, оставаясь основной, должна лишиться доминирования, сочетаясь с другими функциями городской среды, притягивающими в этот исторический район Иркутска горожан и приезжих: культурно-досуговыми, рекреационными, жилыми и т. д. Многофункциональность городской среды проект акцентирует, в частности, предназначением планируемых скверов-площадок как публичных пространств. Подгорная площадь и лестница Иерусалимской горы – историко-культурное пространство, окно в исторический деревянный Иркутск, предисловие к мемориальному парку. Китай-город – окно в Азию, Иркутск в глобальном мире. Площадь искусств посвящена художественному творчеству. Площадь (сквер) Сибири – площадка для фестивального представления хозяйственной продукции и культурной жизни Приангарья. Этот район по своему расположению, ландшафту, структуре и истории имеет серьезные ресурсы, чтобы воплотить такую ключевую особенность Иркутска как культурное многообразие, историческую и современную связь города с азиатскими и европейскими странами и народами, историю его этно-конфессионального разнообразия.

Второе. Авторы проекта подчеркивают, что он кардинально меняет атмосферу всего исторического центра Иркутска, создавая пространство для пешей жизни, фланера, отдыха, туризма (см. интервью Алексея Козьмина по поводу концепции: <http://baikalpress.ru/chto-zhe-budet-na-meste-rynka-shanhay>). Я бы еще подчеркнул оздоровляющее значение этого проекта для соседних сегментов исторического Иркутска. Инфраструктура поддержки деревянного Иркутска (владелец и арендаторов деревянных домов), которая планируется на Подгорной, должна включить в зону своего влияния бывшие Солдатские (Красноармейские) улицы, как и другие улицы, примыкающие к иркутскому Тифлису.

Третье. Вместе с регенерацией городской среды на склоне Иерусалимской горы и созданием насыщенного публичного пространства на Иерусалимской лестнице можно, наконец, искать решения проблемы бывшего Иерусалимского кладбища, ставшего в советское время центральным парком. Недопустимо делать место, в котором

захоронено по приблизительным подсчетам около 120 тыс. человек, как зоной застройки, так и зоной развлечений, но и превращение обширного пространства в центре города в место траура и скорби (Иркутский некрополь) также трудно признать конструктивным для города и горожан решением. Парк должен стать местом памяти об иркутянах, но памяти живой, участвующей в сегодняшней жизни, в создании лица города. Иерусалимское кладбище было многоконфессиональным. Возможное решение – создание парка памяти, в котором памятными знаками о сословиях, конфессиях, выдающихся людях дореволюционного Иркутска будут не надгробные монументы (тем более что точные места захоронения тех или иных людей, за редким исключением, утрачены), а деревья, ландшафтная скульптура, аллеи и дорожки (например, купеческая аллея, аллея ремесленников, католическая аллея, лютеранская и т. д.). Парк мог бы стать также местом художественных экспозиций под открытым небом, тематически связывающих нас и гостей города с его историей. В то же время парк получит развитие как пространство спокойного отдыха и прогулок.

Общественное пространство перед входом в парк сейчас сочетает в себе отреставрированную Входо-Иерусалимскую церковь и мемориальный «революционный» комплекс с памятником Борцам Революции, захоронениями и надгробиями деятелей Гражданской войны и советской власти 20–30-х годов. Организация парка как памяти о культурном и религиозном многообразии дореволюционного Иркутска позволит перевести и это пространство из регистра противостояния идеологических символов (православный храм и борцы революции) в регистр исторической памяти: «революционный» фрагмент будет включен в более обширный контекст мирной истории Иркутска, смыслы которого будут подчеркнуты парком памяти.

Четвертое. «Горный» отрезок улицы Грязнова (3-й Солдатской) – ближайший фрагмент исторического деревянного Иркутска к 130-му кварталу. Если Иркутская слобода (130-й квартал) застроена заново, то на этом отрезке улицы сохранились достойные образцы деревянной архитектуры, усадебной застройки. Приведение его в порядок, сочетание жилых домов с домами, приобретающими другие функции – мини-отелей, кафе, галерей, мастерских, – может стать пространством перехода от 130-го квартала как визитной карточки исторического Иркутска к сохранившейся исторической городской среде. Для этого также целесообразно возвращение улице названия Солдатской (без порядкового номера).

Пятое. Регенерация и организация городской среды в этом районе, ориентированная на тему исторического Иркутска, позволяет сделать шаг и в решении такой проблемы Иркутска, как доминирование в топонимике центра наименований «в революционном духе», введенных постановлением от 5 ноября 1920 года и, как правило, не имеющих отношение к истории города. В проект можно включить пункт о желательной отмене действия постановления в данном районе. В районе проекта пять названий были введены именно этим постановлением. Были переименованы: Солдатские (б) – в Красноармейские,

текст
Михаил Рожанский /
text
Mikhail Rozhansky

Саломатовская – в Карла Либкнехта, Преображенская – в Тимирязева, Главно-Иерусалимская – в Коммунар, Матрешинская – в Перовской. В сферу проектирования, как замечено выше, входит участок одной из бывших Солдатских (Красноармейских) улиц и одна из Иерусалимских. Возвращение этим двум улицам исторических названий без «порядковых номеров» (Иерусалимская – на плане 1904 года она именуется именно так, без «главно», и Солдатская) позволят вернуть эти исторические топонимы в городскую среду без неуместного восстановления имен всех одноименных улиц. К тому же к парку памяти будут с двух сторон параллельно примыкать Иерусалимская и Советская, таким образом создав пространственную метафору единства дореволюционного и советского этапов расширения городского пространства. Параллельное существование Красноармейской и Солдатской улиц (как памяти о Солдатской слободе) также несет смыслы единства и сложности истории города. Возвращение

Саломатовской, Матрешинской и Преображенской также имеют основательную внеидеологическую аргументацию, поскольку наименования, присвоенные в 1920 году, никак с историей Иркутска связаны не были.

И еще, «на полях»: мне кажется одной из изюминок проекта для его пиара и для туристической рекламы Иркутска идея «деревянного фонтана» как некоей иркутской уникальности. В проекте она смягчена до «с деревянными фрагментами в облицовке». Лиственница с ее уникальными свойствами – основа исторического Иркутска. Впрочем, после пожара приметой деревянного Иркутска стал еще и песчаник. Не знаю, может быть, это идея из разряда сумасшедших и проистекает из моего невежества, но если вдруг это технологически возможно, то союз дерева и камня, не подвластных течению воды и времени, – это такое семантическое богатство, которое может подарить городу новый символ.

Топонимика и город, прошлое и будущее / Toponymy and the City, the Past and the Future

Представлен аналитический обзор концепций топонимии, проведенный на основании обмена мнениями с членами Совета по топонимике и редколлегией журнала. Приводятся предложения по наименованию новых градостроительных образований Иркутска.

Ключевые слова: топонимика, 130-й квартал, торговая ось Иркутска, исторический, повседневно-обыденный, географический подходы к топонимике. /

The article reviews and analyses the concepts of toponymy, basing on the exchange of ideas between the members of the Toponymy Council and the Editorial Board of the journal. The names of the new urban entities of Irkutsk are proposed.

Keywords: toponymy; 130 Quarter; Trading Axle of Irkutsk; historical, everyday and geographical approaches to toponymy.

ТЕКСТ

Марина Ткачева

ФОТО

Татьяна Анненкова

TEXT

Marina Tkacheva

PHOTO

Tatyana Annenkova

28 октября в Доме архитектора главный редактор журнала «Проект Байкал» архитектор Елена Григорьева и члены редколлегии Константин Лидин и Марина Ткачева обменялись мнениями по вопросам иркутской топонимии со специалистами-историками, общественными деятелями Иркутска и представителями СМИ. В обсуждении участвовали: член Общественной палаты города Иркутска, директор ООО «Антиквар», член совета общественной организации «Губернский собор» Сергей Снарский, историк и телеведущий Александр Снарский, эксперт Росохранкультуры, доцент кафедры истории архитектуры и основ проектирования ИргТУ, председатель Иркутского отделения Все-рос-сийского общества охраны памятников Алексей Чертилов, председатель редакционного совета газеты «Восточно-Сибирская правда», генеральный директор Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачева Александр Гимельштейн, начальник управления культуры города Иркутска Виталий Барышников.

В своем вступительном слове Елена Григорьева обратила внимание, что названия и переименования могут оказаться неуправляемым процессом, результат которого трудно предвидеть. Сейчас, когда идет конструктивная реконструкция центра города и на карте появляются объекты, которых ранее не было, особенно ясно, что наименования этих топосов не могут быть отданы на волю случая.

Собеседники сформулировали, в сущности, те же аргументы, которые существуют в дискуссии. С. Снарский предложил обдумать вопрос о сохранении тех топонимов, которые возникли в советское время: нельзя становиться заложником сиюминутных страстей и претензий. А. Чертилов добавил, что в процессе именования, как и в возвращении исторических названий, обязательно нужно юридическое обоснование: необходимо предусмотреть утверждение конструктивной законодательной базы,

позволяющей сохранять и возвращать исторические топонимы. Это возможно, так как появилась законодательная норма о предмете охраны исторического поселения: каждое историческое поселение должно иметь предмет охраны. Если в качестве предмета охраны в Иркутске прописать топонимику, тогда споров не будет. В. Барышников обратил внимание на то, что иногда событие, в честь которого названо то или иное место, стерлось из памяти, утрачен сам предмет памяти. Вместе с тем есть названия, которые родились неадминистративным путем. В историческом центре (между Ангарой и Ушаковкой) их около 30–40. Но в России, к сожалению, нет закона о нематериальном культурном наследии. А. Гимельштейн добавил, что исторические названия – те же памятники, которые были затоптаны. Таким образом, отчетливо была озвучена стратегия, опирающаяся на историческую память и историческое прошлое. Крайний ее вариант («возвращать – и никаких гвоздей») прозвучал в выступлении А. Снарского, статью которого журнал публикует ниже.

К. Лидин задал вопрос: почему топонимическая реставрация вызывает такое сильное сопротивление населения и властей? Он предложил подумать над иными вариантами топонимической стратегии – фонетическим, географическим.

Одновременно были обозначены принципиальные подходы к наименованиям и переименованиям. Чисто «исторический», ретроспективный подход (А. Снарский), якобы дистанцирующий топонимику от политики, выглядел чересчур «хирургическим». С другой стороны, обыденно-повседневный («оставим все как есть, мы так привыкли») тоже вызвал критику. У каждого из участников нашлось несколько примеров, когда свободная «территория» для наименований рождала унылое однообразие названий улиц типа Лесная (но на ней нет леса),